

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДИСКУРСОВ НАУКИ И РЕЛИГИИ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «НАУКА И РЕЛИГИЯ»)

Е. Г. Сосновских

В статье рассмотрено взаимодействие науки и религии в период перестройки, в ходе которого сформировались различные дискурсы — атеистический, религиозный и научный. Дискурс-анализ материалов журнала «Наука и религия» за 1985—1991 годы позволил понять особенности трансформации массового сознания и мировосприятия в сочетании с моделями поведения акторов государственно-конфессиональных отношений (ученых, агитаторов, верующих, священнослужителей). Религиоведческий дискурс представлен темами образа верующего человека, типами религиозности, роли религии в обществе. В рамках научного дискурса внимание уделено проблеме научной нравственности, нравственности ученого.

Ключевые слова: перестройка, дискурсы, атеизм, мировосприятие, ученые, верующие, религиозное возрождение, журнал, наука, религия, модели поведения.

Дискуссия о взаимоотношениях науки и религии имеет давнюю историю. По сути, наука и религия представляют собой типы мировоззрения, закрепленные в рамках социальных институтов. Они создают две картины мира, которые могут конкурировать друг с другом.

Главенство одного из них напрямую связано с особенностями развития общества на данном этапе. Согласно теории аутопойезиса У. Матураны и Ф. Варелы [15], для поддержания стабильности своего существования общество вырабатывает специфические механизмы собственного воспроизводства. Религия выполняет мировоззренческую и компенсаторную функции, поэтому в кризисные периоды наблюдается возврат интереса к ней, что обеспечивает относительную стабильность социальной системы. Поддерживающие механизмы выработаны в и рамках института науки.

Во времена СССР для борьбы с религиозным мировоззрением была развернута широкомасштабная атеистическая пропаганда. Со временем она вышла на новый уровень — с 1959 года в рамках высших учебных заведений появилась новая дисциплина «Научный атеизм». Процессы либерализации общества в годы перестройки завершились появлением множества прав и свобод, которые противоречили старой идеологии, формально не отменяя ее. Такое положение дел привело к появлению различных мировоззренческих форм (секты, эзотерические течения и т. д.). Постепенно возвращался интерес к религии — сначала как к части культуры (социальный институт), затем как к праву каждого человека на свободу совести. Научная картина перестройки была разноплановой: прикладные отрасли активно развивались, фундаментальные науки находились в тяжелом положении, общественные науки переживали методологический кризис. Научные открытия и достижения СССР обсуждались на страницах газет, выходил ряд научно-популярных журналов, которые выписывала каждая семья.

Особый интерес в данном ключе представляет научно-популярный журнал «Наука и религия»,

ставший площадкой для диалога этих мировоззренческих позиций. В журнале были представлены различные жанры публикаций — информационные (интервью, репортаж, сообщение), аналитические (статьи, корреспонденция, обзоры) и художественно-публицистические (очерк). Подачу материала отличало постоянное сравнение науки и религии, которое демонстрировало разницу взглядов на один и тот же предмет. Материалы журнала цензурировались, что затрудняет их анализ с точки зрения особенностей высказываний, и не дает полностью оценить переживания коммуникаторов. Коммуникативный код источника — официальный. Актуальность тематик внутри дискурса может быть измерена частотой появления текстов или высказываний на страницах журнала.

На примере анализа публикаций возможно проследить трансформацию дискурсов науки и религии. Дискурс является связным текстом, рассматриваемым в событийном плане (через практики), учитывая социокультурные, психологические и другие факторы. Под дискурсивными практиками в исследовании понимаются жанры публикаций. Суть дискурс-анализа состоит в попытке объяснить обусловленность высказываний, почему участники дискурсивной практики думали таким, а не иным образом.

Можно выделить три вида дискурсов, представленных в журнале: атеизм (научный атеизм и атеистическая работа), религиозное и наука. При этом, атеистические и научные дискурсы могут включать в себя религиозные или теологические темы, т. е. их границы являются условными. Материалы, содержащие исключительно научную информацию не рассматривались. Часто журналы были посвящены определенной теме, приурочены к памятным датам, что отражалось на их содержании. В качестве субъектов выступали партийные работники и ученые. С середины перестройки в рамках немногочисленных писем — верующие. Реципиентами являются читатели журнала, аудитория разнородная по составу. Ситуации коммуникации

обусловлены ситуациями чтения источника в соответствии с периодичностью выхода журнала.

Прямо и косвенно в журнале представлены модели поведения акторов государственно-конфессиональных отношений. В соответствии с позиционируемыми нормами и ценностями религия и наука формировали свои дискурсивные практики и определяли различные модели социального поведения. Основными из них были «социально-пассивная», «социально-активная» (верующие, партийные работники) и «адаптивная» (трансформация сознания — новообращенные верующие, партийные работники «новой формации», религиозные организации). «Адаптивная» модель представлена в двух формах — активной и пассивной. В периоды социальных перемен может наблюдаться синтетический тип мировоззрения, при котором одни компоненты еще не закончили свое существование, а вторые в полной мере прочно не закрепились. Он характеризуется расплывчатостью общественного сознания, следовательно, формирует — «переходную» (те, кто не сформировал свое отношение к религии, «невоцерковленные верующие») модель. Представленные модели сконструированы в рамках концепций социального действия, расширены с учетом дискурсивных практик и процессами изменения общественного сознания.

С 1986 года в журнале большее внимание стало уделяться семье и новым типам массового сознания — суевериям, предсказаниям, астрологии. Позиционируя себя как «площадку для дискуссий», в начале перестройки журнал публиковал статьи или очерки представителей религиозных групп, верующих. Они начинают появляться с 1988 года в рамках «круглых столов». Можно заключить, что в первые годы перестройки журнал представлял собой источник по критике, а порой, и по высмеиванию религии. Затем, в связи с изменением отношения к религии в обществе, на смену пришли статьи о религии как части культуры, истории.

В рамках атеистического дискурса тесно переплетены несколько тем — методика атеистической работы и пропаганды, проблемы и опыт проведения атеистических мероприятий, трансформация атеистической работы, ее проблемы. Атеизм рассматривался как органический элемент духовной культуры [10, с. 12], а атеистическая работа как воспитательный процесс с элементами контрпропаганды [1, с. 10].

Задача системы атеистического воспитания трактовалась как воспитание доброты, умения сочувствовать и сострадать, жалеть другого человека... убедительно доказать преимущества нравственности атеистической перед нравственностью религиозной [7, с. 20]. Интересен термин «атеистическая нравственность», который часто встречается на страницах журнала. «Справочник атеиста» не дал ответа на вопрос о его содержании, а слово нравственность встретилось там 6 раз [21, с. 60, 78, 254, 279, 409, 495]. В первый раз оно упоминалось при описании марксистской диалектики, в остальных случаях речь шла о «религиозной нравственности». Возникает вопрос об отличительных чертах атеистической нравственности и ее взаимосвязи со

светской этикой. Неоднозначность трактовки этого понятия привела к формированию вульгарного атеизма, отрицавшего позитивные функции религии. В результате население страны как бы искусственно разделялось, в мировоззренческом смысле, на две части — верующих и атеистов. О. Юрьева писала о том, что «...На повестку дня встала и проблема общения — ведь многие недоразумения между верующими и неверующими происходят по той причине, что верующие имеют искаженные представления об атеизме, а неверующие — о религии... Ни атеизм, ни религия не откажутся от своих мировоззренческих позиций» [27, с. 11].

Формализм в атеистической работе в период перестройки был очевиден. Идеинная борьба со временем переродилась в борьбу за показатели и списки проведенных мероприятий («для галочки»). Лекторы формально подходили к подготовке своих выступлений на атеистическую тему и часто не справлялись с вопросами верующих, пришедших на его лекцию [Напр, 17, с. 9]. Несостоятельность атеистической работы можно обнаружить и в абсурдных утверждениях о причинах «живучести» религии. Д. Угринович, подчеркивал, что «... в связи с социально-психологическим анализом религиозной веры хотелось бы подчеркнуть, что в сознании верующих существуют психологические особенности, которые затрудняют усвоение атеистических выводов из современной науки...» [23, с. 15]. Позиционирование верующих как людей с «психологическими особенностями» формировало их негативный образ.

По результатам социологических исследований комсомольских организаций Б. И. Зеленкова, 30—40 % опрошенных не смогли вспомнить, когда в их коллективах проводились лекции, диспуты или вечера вопросов и ответов на тему атеизма. Несколько раз в течение года (исследование опубликовано в 1987 году) атеистические лекции слушали лишь 28, 2 %. Однако и в тех комсомольских организациях, где велась атеистическая работа, она была формальной и поверхностной. В одном из интервью, Б. И. Зеленков говорил о том, что «...из-за равнодушия и формализма, царящих во многих комсомольских организациях и комитетах. ... Одни приспособились к двойной морали, парадности, пустословию, другие, наиболее активные, переклюнулись на различные неформальные группы, объединения и компании, третьи — замкнулись, ушли в религиозные поиски» [8, с. 11]. Из этого следует, что именно трансформация социальной среды в корне заставляет человека изменить свое мировоззрение. Но, был ли подлинный интерес у молодежи 1980-х годов к атеизму? Скорее всего нет, особенно в период перестройки, полной социальных нововведений. Интересно и то, как трактуется «религиозный поиск» — как замкнутость, изоляция. В противовес социальному — открытому, правильному.

Усовершенствовать атеистическое воспитание был призван новый вариант программы для высших учебных заведений «Основы научного атеизма», разработанный в 1985 году. Предполагалось увеличить количество часов на изучение темы историко-материалистической концепции религии.

В аналитическом обзоре на программу было указано, что в ней «... обстоятельнее раскрыта роль религии и атеизма в современной политической и идеологической борьбе, больше сказано о нетрадиционных формах религии» [2, с. 17]. В это время уже начинал формироваться новый подход к роли религии в обществе. Разработанный учебный курс больше походил на современное религиоведение, чем на атеистическую пропаганду.

На необходимость пересмотра системы атеистической работы было указано в статье М. Добрускина. В частности, он писал о том, что «Перестройка атеистической работы... необходима... общество вступило в качественно новый этап своего развития, когда требуются принципиально новые решения в сфере не только материальной, но и духовной. В их выработке должен участвовать и научный атеизм, его теория и практика...» [6, с. 8].

Научный атеизм, как мировоззренческий пласт, должен был пополняться новыми идеями, развиваться. Необходимость нового подхода означала переход от критики религии к ее новой трактовке, чего, увы, не произошло. В литературе эпохи перестройки отмечалось, что именно научный атеизм, обладая богатым религиоведческим багажом, породил интерес к религии. Например, В. Кондратьев писал, что «... значительная часть людей (и я в том числе) пришла к вере именно благодаря атеистической литературе» [11, с. 3], а Р. Косолапов утверждал, что «... атеизм, причем не только топорно-вульгарный, но и культурно-научный, может при определенных условиях способствовать распространению религиозных воззрений...» [12, с. 4]. Видимо, во многом, синтез двух мировоззренческих пластов дал противоположный эффект — несостоятельные доводы неподготовленных агитаторов привлекали большее внимание к религии. Особенно в период снижения критики, когда он стал больше похож на науку о религии.

Дискурс атеизма представлен материалами по атеистическому воспитанию, проблемам атеистической пропаганды. Создателями атеистических дискурсов являются партийные работники и ученые. Материалы начала перестройки демонстрируют модель активного атеистического агитатора, тогда как в конце появляются «переходная» и «адаптивная» модели.

Постепенно формировался религиоведческий дискурс. Он включал элементы религии (вера, религия, верующий), проблемы изучения религии, теологические исследования. Ученые пытались понять причины обращения людей к религии, поэтому популярной была тема образа верующего. В начале периода перестройки он окрашен в темные тона. Например, в сентябрьском номере журнала за 1986 год опубликовано письмо обеспокоенных родителей о верующем сыне [3, с. 25—27]. По письму был написан разгромный репортаж о том, что способствовало вере мальчика-школьника в Бога.

Появлялись и размышления о «новом типе верующего». М. В. Добрускин писал о том, что появился человек грамотный, хорошо знающий религиозные догматы, общественно, идеологически активный, поэтому, по его мнению, можно говорить о «новом

типе священнослужителя, который сегодня и мо- ложе, и образованнее священника 50—60-х годов» [6, с. 8]. Информация о «новом типе верующего» представляла собой иной подход к рассмотрению темы религиозности населения. Религия методами принуждения не могла быть устранена из массового сознания и все модели поведения, характерные для верующих, сохраняются. Основной вектор критики перенесен на священнослужителя. Действительно, в период перестройки появляется новый тип священнослужителя «социально-активного», понимающего общественные перемены и потребности паствы. Он получил духовное или светское образование, был актором государственно-конфессиональных отношений.

Такой подход предполагал учет социальной активности верующих. Пропагандистская работа священнослужителей во многом совпадала с профессиональной политикой партии, хотя дискурс сохранил негативную окраску. Например, Ю. Зуев утверждал, что развитие социальной активности, даже при ее религиозной мотивации, обогащает духовный мир, расширяет общественные связи личности, а, следовательно, все больше размывает религиозные представления [9, с. 18]. Такой ему виделась реальная диалектика эволюции сознания верующего в советском обществе.

В рамках новой политической линии государства встречались и противоположные высказывания о роли и месте верующих в обществе. «Если верующий понимает и поддерживает политику партии, — писал В. Григоренко, — и государства, честно трудится, принимает идеи перестройки, ... то почему к нему должно быть плохое отношение?.. Конечно, нужно категорически отказываться от так называемого лобового атеизма, он дает противоположный эффект. Сегодня требуется диалог, а он невозможен без заботы о людях, без глубокого и творческого подхода к делу» [5, с. 19].

В преддверии Тысячелетия Крещения Руси обществоведы пытались определить и показать свой интерес к религии как к части культуры. Однако Л. Н. Митрохин отмечал отставание исследований религии от потребностей граждан. Он писал, что: «Профессиональные религиоведы... явно запаздывали, к ним в полной мере относится резкая критика, которой партия подвергла общественные науки за догматизм, инертность, игнорирование сложных и противоречивых процессов развития социалистического общества. Складывалась парадоксальная ситуация: интерес общественности к процессам духовного развития личности, к причинам и сути религиозно-нравственных исканий возрастал, а авторитет мнений на сей счет исследователей религии явно падал» [16, с. 14]. Так Л. Н. Митрохин обвинил представителей гуманитарных наук в пониженном интересе к религии, но как можно изучать то, что не вызывает поддержки со стороны научного сообщества? Как в короткие сроки можно было восстановить религиоведческие исследования в стране, где на первый план выходила атеистическая пропаганда? Видимо, источником пополнения религиоведческих кругов служил научный атеизм, в рамках которого трудились видные социологи, историки и философы

того времени. В статье Л. Н. Митрохина зафиксирован неподдельный интерес общественности к религии, который, учитывая рост числа регистраций религиозных групп, увеличивался.

Сам подход к изучению религии и цензурированию религиозных исследований дискутировался в статье социолога Е. Кублицкой. Она писала, что попытка уточнить некоторые устоявшиеся оценки советского религиоведения может показаться очередным модным выпадом критически настроенного ученого, когда эмпирические данные не совпадали с идеологическими клише их решительно сбрасывали в корзины соответствующих канцелярий или укрывали броней сейфов. Возможно, по этой причине, считала автор, мы и не стремились поглубже проанализировать феномен религиозности в условиях социализма и не имеем до сих пор единой комплексной программы его исследования социологическими методами. По ее мнению, именно в это время и необходимо разрабатывать новую теорию научного атеизма [14, с. 34]. Однако это добавление, скорее, дань отмирающему атеистическому мировоззрению, которое, на тот период активно теряло свои позиции. Интересна эта цитата и в смысле «исповеди» о днях советского ученого, чьи научные изыскания были загнаны в рамки марксистско-ленинской идеологии. В особенности, это касалось результатов социологических исследований, оперировавших статистической информацией.

Как известно в 1990 году при отделении истории АН СССР начал действовать Научный совет «Роль религии в истории». Причиной его создания, по словам председателя совета, Я. Н. Щапова, явились «белые пятна» в представлениях ученых и советских людей о роль религии и церкви. В своем рассказе для журнала он заявил о том, что уже сегодня исследования ведутся иначе чем раньше, историки шире ставят вопросы, связанные с религиозным фактором, а философы больше стали обращаться к историческому контексту, интересоваться конкретикой религиозных течений, личностью деятелей церкви. Поэтому планом работы совета предусматривалось сотрудничество и с другими гуманитариями — литературоведами и искусствоведами, социологами и психологами [26, с. 2]. Отметил Я. Н. Щапов и специфику советской науки, которая заключалась в издании научных статей о религии только к определенным праздничным датам. Основной темой для собственных исследований совет выбрал судьбу религии на рубеже XIX—XX веков, особое внимание уделялось старообрядчеству.

Отметим, также, что теология в период перестройки не рассматривалась как научное направление и часто критиковалась. Только в начале «нулевых» интерес к религии потребовал развития богословия, как научного изложения и толкования религиозных текстов. Сегодня по данному направлению выпускают бакалавров 48 вузов в 36 городах России, открыто две магистратуры [22], планируется открытие докторантуры.

Еще одним дискуссионным вопросом в рамках религиоведческих исследований были формы религиозности. Считалось, что женское мировоззрение отличается от мужского, и оно может быть типизи-

ровано. Изучением этого вопроса занималась доктор философских наук, профессор В. И. Добрынина. Выступая на «круглом столе» редакции журнала «Наука и религия», она пыталась доказать, что есть три основные формы женской религиозности. Первая: безыскусная вера женщины, в меру своей культуры и ума понимающей религиозные каноны. Вторая форма: кликушество, фанатизм, которые наводят на мысль о психиатрии. Это люди истероидного типа, и среди них женщин куда больше, чем мужчин. Есть и третья категория: «обрядоверы». Для них религия — мода, показатель отношения к светским ценностям бывает — и протест» [13, с. 15]. Впоследствии, эта тема была поднята на страницах журнала еще не раз, но уже с выводом о том, что особенностей женской религиозности нет. Предпринимались и другие попытки классификации религиозности.

Интерес к узким религиоведческим темам породил интерес к религии в целом, как к социальному институту — источнику норм и ценностей. Священник А. А. Салтыков представил свою точку зрения говорил о том, что «... религию как институт общества, формирующий нравственность, заменить ничем не удастся. ... за тысячи и тысячи лет существования человеческое общество не создало иного института духовности кроме религии и церкви. И его надо использовать также в целях оздоровления народа, нравственного климата в обществе» [13, с. 16]. По его мнению, возврат к религии, был результатом нравственного поиска человека и общества в целом. Как уже было отмечено выше, понятие атеистическая нравственность не являлось хорошо разработанным и носило во многом не конкретный и абстрактный характер.

В. Праворотов предпринял попытку объяснить специфику процесса религиозного возрождения, сопровождавшегося возвратом зданий культурного назначения, предметов культа и интересом к культовой деятельности. В статье «Станем ли жить по совести?» он писал о том, что «... сегодня они (церковь, верующие — прим. автора) прочно заняли авангардные позиции на авансцене политической, социальной, духовной жизни общества и нередко выступают его критиками и учителями. Они вносят все более заметный оттенок в духовную жизнь общества, обогащая ее теми ценностями общечеловеческой морали, которая заключена в буддизме, иудаизме, христианстве, исламе, других религиях. ... С опаской, настороженно относятся к переменам в государственно-церковной политике и многие атеисты. ... а за что, собственно, благодарить? Полноправные граждане государства берут то, что им положено. Они рассматривают это ... как возвращение незаконно отторгнутых прав, отнятых храмов, их веры, национальной культуры. ... Отсюда и требование от атеистов публичного признания своих ошибок, если хотите, покаяния» [18, с. 2].

Религиозное возрождение как процесс усилило и критику со стороны атеистов. Очевидно, В. Праворотов намеренно использовал специальную лексику, демонстрируя мировоззренческое противостояние. В свою очередь, в соответствии с переменами в политике государства, верующие не только заявили о своих правах, но и требуя возврата

предметов культа и зданий, «призывают атеистов к покаянию».

Рассмотренные религиозоведческие дискурсы демонстрируют не только преобладающие тематики, но и их трансформацию. Во-первых, это смягчение критики в адрес религии и верующих. В большинстве они представлены учеными различных дискурсивных формаций от «активных агитаторов» до «центристов» с «переходной» моделью поведения. Во-вторых, с момента празднования Тысячелетия Крещения Руси на страницах журнала стали изредка появляться и священнослужители.

Научный дискурс был представлен разнообразными материалами на актуальные научные тематики. Это и компьютеры, и медицина, биология и астрономия. А. Д. Сахаров поднял вопрос о нравственности науки в целом. Он писал, что научно-технический прогресс не принесет счастья, если не будет дополняться чрезвычайно глубокими изменениями в социальной, нравственной и культурной жизни человечества. Внутреннюю духовную жизнь людей, внутренние импульсы их активности трудней всего прогнозировать, но именно от этого зависит в конечном итоге и гибель, и спасение цивилизации [20, с. 3]. Эта тема активно обсуждалась с середины 1980-х годов, что, по-видимому, было связано с катастрофой на Чернобыльской АЭС.

Д. Гранин в статье «Бесконечность поиска истины» писал о том, что роль ученого как носителя определенной нравственности становится чрезвычайно важной, решающей для судеб цивилизации. Все сводится к каким-то запретам, внутреннему, духовному миру человека, зависит от того, что во мне находится «да» и «нет», «можно» и «нельзя», — чем они определяются, откуда возникают? В процессе познания, подчеркнул автор, ученый сталкивается с разнообразными явлениями, приходит в изумление от их сложности. Тогда он задается вопросами о том, как сформировалось бытие. До тех пор, пока для него не открывается истинная суть исследуемого, многое принимается им на веру. Может ли ученый верить в сверхъестественные силы, в Бога? [4, с. 5].

Вице-президент АН СССР К. В. Фролов предположил, что возврат интереса к религии возник в результате создания атомного оружия. По его мнению, процесс познания нельзя остановить, но есть и такие грани, которые переходить не нужно. В своем интервью журналу К. В. Фролов отмечал, что представление о боге ученый-верующий связывает прежде всего с нравственным идеалом, понятиями совести, добра... причины религиозности ученых следует искать в противоречивости и сложности прогресса науки... где перестает «работать» моя наука, может твориться все что угодно... науке придется... пересмотреть тезис о собственной всеисильности» [25, с. 7—8].

Таким образом, атеистическая наука не смогла удержать свои позиции и даже ученые не исключали обращение к религии в период своих мировоззренческих поисков. К концу перестройки в журнале стало появляться все больше статей, возвращавших религии ее место в истории и роль в обществе. Критика атеистической науки обострилась. Главный редактор журнала В. Праворотов, вынужден был

констатировать, что «... Снимая «словечко «атеистический», мы прежде всего отказываемся от прежнего вульгарного, доносительного атеизма и поскольку иного, нового атеизма, творчески усвоившего все богатства человеческой мысли, культуры, опыта, пока не существует, мы апеллируем к науке» [19, с. 2].

Д. Узланер полагает, что наука по своей природе атеистична, она оперирует иными методами познания, отличными от религии. Их сближение возможно исключительно в рамках отдельных сфер, например, религиозоведения. Наука выдвигается вперед, как единственный метод познания окружающего мира, вне зависимости от мировоззренческой позиции ученого. Интересным представляется и его заявление о новом атеизме, который ученые в перспективе так или иначе поддержат. Сегодня среди ученых запада появился такой «новый атеизм», который по своим чертам чем-то похож на атеизм времен СССР [24]. Таким образом, в научном типе дискурса представлены «переходная» и «социально-активная» модели поведения, коммуникаторами выступали сами ученые. Структура дискурса была представлена естественно-научными, а также социально-философскими идеями.

Итак, дискурсы, представленные в журнале «Наука и религия», характеризуются однотипностью и однородностью, что указывает на гомогенность представлений внутри коммуникативных полей. Наиболее широко был представлен атеистический дискурс с присущими ему тематиками атеистической работы и воспитания. Изучение дискурсов журнала «Наука и религия» показало, что они сыграли определенную роль в развитии религиозного мировоззрения образованной части общества. Религиоведческие дискурсы поднимали базовые проблемы исследования религиозности, роль религии в обществе, культуре и истории. Особый интерес представляют размышления о религиозной и научной нравственности, об этике ученых. Несмотря на принятие мировоззренческих позиций ученых, редакция журнала сделала заявление о сохранении нейтральной позиции. Дискурсы религиозных деятелей и верующих представлены были все же схематично.

Литература и источники

1. Бабийчук, А. Молодежи — идейную закалку / А. Бабийчук // *Наука и религия*. — 1985. — № 1. — С. 10—13.
2. Батюк, И. Научный атеизм — задачи преподавания / И. Батюк, П. Лобазов // *Наука и религия*. — 1985. — № 1.
3. Голубева, И. Костя, Света и другие / И. Голубева // *Наука и религия*. — 1986. — № 9. — С. 25—27.
4. Гранин, Д. Бесконечность поиска истины / Д. Гранин // *Наука и религия*. — 1988. — № 9. — С. 4—6.
5. Григоренко, В. Если без предвзятости? / В. Григоренко // *Наука и религия*. — 1987. — № 12.
6. Добрускин, М. В духе времени / М. Добрускин // *Наука и религия*. — 1988. — № 3.
7. Духовный мир человека // *Наука и религия*. — 1985. — № 1.
8. Зеленков, Б. И. Исследования показали / Б. И. Зеленков // *Наука и религия*. — 1987. — № 8.
9. Зувев, Ю. Учитывая новые реальности / Ю. Зувев // *Наука и религия*. — 1987. — № 12. — С. 17—18.
10. Ключевые проблемы научно-атеизма // *Наука и религия*. — 1986. — № 2. — С. 11—13.

11. Кондратьев, В. О прогрессивной роли атеизма в деле религиозной пропаганды / В. Кондратьев // Наука и религия. — 1990. — № 9. — С. 3—4.

12. Косолапов, Р. А если пойти от обратного? / Р. Косолапов // Наука и религия. — 1990. — № 9. — С. 4—6.

13. Круглый стол «Науки и религии». «Женщина, семья, религия» // Наука и религия. — 1988. — № 3. — С. 15—17.

14. Кублицкая, Е. «Общество массового атеизма» глазами социолога / Е. Кублицкая // Наука и религия. — 1990. — № 1. — С. 34—35.

15. Матурана У. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. — М. : Прогресс-Традиция, 2001. — 223 с.

16. Митрохин, Л. Религия в системе культуры / Л. Митрохин // Наука и религия. — 1987. — № 8. — С. 14—17.

17. Попов, Б. Меня беспокоит / Б. Попов // Наука и религия. — 1987. — № 1.

18. Праворотов, В. Станем ли жить по совести? / В. Праворотов // Наука и религия. — 1990. — № 11. — С. 2—3.

19. Праворотов, В. Спасибо! / В. Праворотов // Наука и религия. — 1991. — № 1.

20. Сахаров, А. Д. Мир через полвека / А. Д. Сахаров // Наука и религия. — 1990. — № 5.

21. Справочник атеиста / под. ред. Б. А. Лобовик. — Киев : Наукова думка, 1986. — 520 с.

22. Теология преподается в 48 вузах России. — URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=62751> (Дата обращения: 2.04.2017).

23. Угринович, Д. Вера безрелигиозная и религиозная / Д. Угринович // Наука и религия. — 1985. — № 2. — С. 12—15

24. Узланер, Д. Новый атеизм: можно ли бороться за науку с помощью невежества? — URL: <http://gefster.ru/archive/21225> (Дата обращения: 23.03.2017).

25. Фролов, К. В. За гранью науки — наука... / К. В. Фролов // Наука и религия. — 1988. — № 12. — С. 6—8.

26. Щапов, Я. Н. Исчезнут «белые пятна»? / Я. Н. Щапов // Наука и религия. — 1990. — № 2. — С. 2—4.

27. Юрьева, О. Есть ли время на раскачку? / О. Юрьева // Наука и религия. — 1988. — № 4. — С. 10—11.

Поступила в редакцию 02 июня 2017 г.

СОСНОВСКИХ Елена Геннадьевна, магистр истории, канд. ист. наук, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия). E-mail: sosnovskikheg@gmail.com

*Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2017, vol. 17, no. 3, pp. 50—56*

DOI: 10.14529/ssh170307

INTERACTION OF SCIENTIFIC AND RELIGIOUS DISCOURSES DURING PERESTROIKA (BASED ON THE MATERIALS OF «NAUKA I RELIGIYA» (SCIENCE AND RELIGION) JOURNAL)

Y. G. Sosnovskikh, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation,
sosnovskikheg@gmail.com

The article centres attention on the interaction of science and religion during perestroika, which formed various discourses — atheistic, religious and scientific. Discourse analysis of the journal «Nauka i religiya» (Science and Religion) for 1985-1991 years helped to understand the features of the transformation of mass consciousness and worldview in combination with models of behaviour in state-confessional relations (scientists, agitators, believers, clergymen). Religious discourse consists of such topics as problems of the image of a believer, types of religiosity, and the role of religion in society. Analyses of the scientific discourse confines attention strictly to the problem of scientific morality, esp. morality of the scientist.

Keywords: perestroika, discourses, atheism, worldview, scientists, believers, religious revival, journal, science, religion, models of behaviour.

References

1. Babiychuk A. [Youth — ideological training]. *Nauka i religiya*, 1985, no 1, pp. 10—13 (in Russ.)
2. Batyuk I., Lobazov P. [Scientific atheism — the tasks of teaching]. *Nauka i religiya*, 1985, no 1, p. 17 (in Russ.)
3. Golubeva I. [Kostya, Sveta and others]. *Nauka i religiya*, 1986, no 9, pp. 25—27 (in Russ.)
4. Granin D. [Infinite search for truth]. *Nauka i religiya*, 1988, no 9, pp. 4—6 (in Russ.)
5. Grigorenko V. [If without bias?]. *Nauka i religiya*, 1987, no 12, pp. 4—6 (in Russ.)
6. Dobruskin M. [In the spirit of the time]. *Nauka i religiya*, 1988, no 3, p. 8 (in Russ.)
7. [The spiritual world of man]. *Nauka i religiya*, 1985, no 1, p. 20 (in Russ.)
8. Zelenkov B.I. [Researches resulted]. *Nauka i religiya*, 1987, no 8, p. 11 (in Russ.)
9. Zuev Yu. [Considering new realities]. *Nauka i religiya*, 1987, no 12, pp. 17—18 (in Russ.)
10. [Key problems of the scientific atheism]. *Nauka i religiya*, 1986, no 2, pp. 11—13 (in Russ.)

11. Kondrat'ev V. [About the progressive role of atheism in the matter of religious propaganda]. *Nauka i religiya*, 1990, no 9, pp. 3—4 (in Russ.)
12. Kosolapov R. [If we go from the opposite?]. *Nauka i religiya*, 1990, no 9, pp. 4—6 (in Russ.)
13. Round table discussion [Woman, Family, Religion]. *Nauka i religiya*, 1988, no 3, pp. 15—17 (in Russ.)
14. Kublitskaya E. [Society of Mass Atheism]. *Nauka i religiya*, 1990, no 1, pp. 34—35 (in Russ.)
15. Maturana U., Varela F. *Drevo poznaniya: biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [The tree of knowledge: The biological roots of human understanding]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2001. 223 p.
16. Mitrokhin L. [Religion in the system of culture]. *Nauka i religiya*, 1987, no 8, pp. 14—17 (in Russ.)
17. for example, Popov B. [I am worried]. *Nauka i religiya*, 1987, no 1, p. 9 (in Russ.)
18. Pravorotov V. [Will we live according to conscience?]. *Nauka i religiya*, 1990, no 11, pp. 2—3 (in Russ.)
19. Pravorotov V. [Thank you!]. *Nauka i religiya*, 1991, no 1, p. 2 (in Russ.)
20. Sakharov A.D. [The world in half a century]. *Nauka i religiya*, 1990, no 5, p. 3 (in Russ.)
21. Lobovik B.A. *Spravochnik ateista* (Ed.) [Dictionary of the atheist]. Kiev, Naukova dumka, 1986. 520 p.
22. *Teologiya prepodaetsya v 48 vuzakh Rossii* [Theology is taught in 48 Russian universities]. Available at: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=62751> (accessed: 2.04.2017).
23. Ugrinovich D. [Nonreligious and religious faith]. *Nauka i religiya*, 1985, no 2, pp. 12—15 (in Russ.)
24. Uzlaner D. *Novyy ateizm: mozno li borot'sya za nauku s pomoshch'yu nevezhestva?* [New Atheism: Is it possible to fight for science with the help of ignorance?]. Available at: <http://gefter.ru/archive/21225> (accessed: 23.03.2017).
25. Frolov K.V. [Outside of science — science ...]. *Nauka i religiya*, 1988, no 12, pp. 6—8 (in Russ.)
26. Shchapov Ya. N. [Will “white spots” disappear?]. *Nauka i religiya*, 1990, no 2, pp. 2—4 (in Russ.)
27. Yur'eva O. [Do we have time for a slow rollout?]. *Nauka i religiya*, 1988, no 4, pp. 10—11 (in Russ.)

Received June 02, 2017